

ГАННИБАЛ. Я застрял в Ганнибале. Это мелочь – читай, сошка – на границе славного Миссури, но, о, какая это воинственная сошка! Полицейский участок города очень похож на коробку из-под овощей, брошенную на обочине и любовно прибранную придорожными тараканами. Тараканы. Я раздавил одного, пока помощник Коменданта – молодой офицер – волок меня по лестнице вверх. Ей богу, Бекки, если бы ты видела лицо офицера, ты бы решила, что он опаздывает в преисподнюю. И ты бы ошиблась. Офицер был доволен, как таракан, что схватил нарушителя и спешил показать добычу Коменданту. Я сопротивлялся лишь тогда, когда мне угрожала непосредственная опасность. Этот молодецкий офицер едва не стукнул меня лбом о дверной косяк; по крайней мере с шестью ступенями из десяти мои стопы так и не успели поздороваться, а про довольное бормотание, больше смахивающее на рычание, и говорить нечего.

Офицера можно легко себе представить, попросив фею Берюлину обратить пинчера в человека на пару часов и сказав ему, что если он словит хотя бы одного нарушителя, то останется человеком на всю жизнь. Надо уточнить, встречался ли офицер с Берюлиной, и что она там ему наобещала.

Когда мы вошли, со стульев вверх, словно хлесткие антенны, повскакивали ефрейторы. Они отдали честь моему пинчеру, и мы все вчетвером стали ждать Коменданта. Надо сказать, ефрейторы очень странно на меня косились и постоянно норовили толкнуть друга в плечо и что-то озабоченно прошептать. То ли им что-то во мне пришлось не по вкусу, то ли улыбался я слишком отвязно, но перешептывания не прекращались, пока не появился, да, Комендант. Бекки, ты и представить не можешь, что это за человек! Комендант – джентльмен истинно керамической закалки. Гордый, дипломатичный, прекрасного воспитания и глубокой душевной натуры...

- Бестолочи! – рявкнул он, едва войдя, ефрейторам, и мы подпрыгнули на месте. – Я вас, чтоб знали, насквозь вижу! Что было на счёт приказаний, м? Я вас спрашиваю: что было на счёт приказаний?

Экономя свои силы, я не особо внимательно слушал, за что Комендант отчитывает молодёжь, однако я, признаться, даже немного расслабился: всегда так получается, когда ругают кого-нибудь другого, а ты лишь стоишь и думаешь «Слава Богу, не меня!»

- Кто разрешил покидать пост?

- Сэр, мы не...

- Ну!

- Сэр, нас было даже трое! Мы ни за что не...

- Я сказал: НУ! Догадываюсь, кто был ваш третий. Джек Дэниэл? Или кто по крепче, м?

- Нет, сэр...

Первый ефрейтор медленно перевёл глаза на меня. Комендант, смотрящий ему в лицо, невольно сделал тоже самое.

- Он и был, сэр...

Я подмигнул ефрейтору и принял дальнейший стратегический удар Коменданта на себя, чем спас этих бедняг, бледных, как болотные поганки. Я думаю, мне зачтётся это в Судный День, но пока...

- Что значит: он и был? И, кстати, офицер... Зачем вы вообще ЕГО сюда притащили?

- Видите ли, сэр!.. – начали было в один голос ефрейтор и офицер.

Они быстро поняли, что в голосе у каждого из них двоиться, и удивлённо переглянулись, а я взял на себя смелость продолжить разговор.

- Видите ли, сэр, я страсть, как люблю игру «Верю – Не верю». Это карточная игра. Играли?

- Вы?

- Да. А эти два джентльмена как раз имели при себе колоду. Моя-то уже порядком измельчала... Червонного я потерял на пирсе в Эльзасе, а два короля... Да, боюсь короли остались в Лиссабоне.

- Что за вздор! Они были при исполнении!

- Кто, короли?

- Мои ефрейторы!

- Сомневаюсь... Этих двоих молодых людей я обнаружил у... У одного жилого дома, где они звали некоего Берти. Должно быть это их товарищ? Потом у нас завязался разговор о...

- О Джоне Уиттьере! – поспешно вставил первый ефрейтор.

- Именно о Джоне Уиттьере, – согласился я, – и мы, гуляючи, проследовали на место, где, как мне сказали эти молодые люди, они должны были быть. Мы сыграли, затем стали спорить об...

- Об Александре Дюма! – предугадывая моё слово, поправил меня второй ефрейтор.

- Об Александре Дюма. – кивнул я.

- Отец? – осведомился Комендант.

- Простите, что? Нет, я не...

- Нет же, Дюма-отец или сын?

Видишь, Бекки, какой это был образованный и интеллигентный человек. Даже в пылу исполнения долга, когда, казалось бы, ничто не должно иметь большего значения, чем работа, Комендант проявлял свою начитанность, заинтересованность и чувство справедливости.

- А теперь, позвольте, я скажу! – твякнул офицер.

О, этот пинчер, этот спаниель, эта савраска!

- Сей джентльмен, который благоугодно заливает вам, сэр, в уши, буквально только что рылся в сундуках миссис Биг и вытряс-таки оттуда, я полагаю, душонку старого Бига!

- Объяснитесь.

- Помните, третьего дня миссис Биг пытались ограбить? Золотце старого Бига? И вот сегодня я нахожу этого гражданина, плящегося ей в окна заднего двора!..

- А почему это порядочный гражданин не может паяться в окна заднего двора? – удивился я, но меня никто не услышал.

- ...Мадам так описывала человека, спрыгнувшего из её окна во вторник: плотный, но ловкий, щекастый, в берете и... одет, как умора.

Комендант, офицер и ефрейторы изучающе взглянули на меня, и я почти что вознегодовал.

- Позвольте! – воскликнул я. – Может быть, где-то, я и могу согласиться с вашими приметами, но при чём тут умора? Вам не нравится мой берет?

Спорить о наружности людей, их привычках одеваться, Бекки, дело неблагодарное. Вот что бы было, выйди ты с коротким рукавом на Пятую Авеню в прошлом веке? Я думаю, было бы неловко. И ведь ты не докажешь никому, что одета вполне себе сносно, и это они, люди, завёрнуты в одежду, словно в капустные листья. Здесь такая же история. Если кто-то вешает себе на шею питона, значит у него есть все причины вешать себе на шею питона. Ну или же просто подвернулась такая возможность... Знаешь, Бекки, ведь мы, по сути, сумма наших желаний, наших возможностей в один-единственный момент. Простые числа, Бекки. Однако, если их нет, ты – мёртв.

Комендант потребовал вывернуть карманы. Он так и сказал:

- Выверните ваши карманы.

Он почти что процедил это сквозь зубы, и я решил не устраивать сцен. Посреди полицейской комнаты стоял стол, по виду и окраске напоминавший бильярдный, на котором туземцами были пара стаканов, к ним серебряные подстаканники, пепельница и карандаши. Что ж, я начал свой десант. Очки, спичечный коробок без спичек, спичечный коробок со спичками, перочинный ножик, отвёртка, мятый Авраам Линкольн, несколько потрёпанный Джордж Вашингтон, напёрсток, твоя фотокарточка (выглядящая гораздо лучше, нежели мистер Вашингтон), порванный билет на пароход, пуговица. Дальше ещё

интереснее: огрызок яблока, съеденного мной по дороге из Спалдинга, печенье, речные ракушки, карманный бинокль, календарь, трубка, а также давно и хорошо выпотрошенный кисет. Видишь ли, по пути я потерял портсигар, а сигары без него – точно дыры без решета. Куда вообще взрослые девают вещи – ещё одна непостижимая загадка человечества!

С каждым предметом, лежащим на зелёную поверхность стола, лица у присутствующих вытягивались всё больше и больше; я уверен, можно было бы вычислить пропорциональную зависимость предмета на дюйм.

- Душонки старого Бига, извиняюсь, нет.

- О, боги!

- Что не так?

- ТАБАК и печенье в одном кармане? Как можно?

- Ну, я не настолько глуп, чтобы таскать ОКУРКИ и печенье в одном кармане!

- Справедливо. – Комендант пожевал усами.

А ливень не переставал. Вернее, когда офицер имел честь схватить меня, дождя не было. Небесная вода отдыхала, приготавливалась к своему дебюту, который, судя по облакам, должен был состояться ещё ночью. Наша овощная коробка находилась под постоянным напором воды, и мне едва хватило духу не попросить Коменданта привести сюда к нам каждой твари по паре. Водяные пальцы с завидным упорством барабанили по двери, по стеклам. Зачем так настойчиво стучаться в полицейский участок? Совесть, старая ведьма, замучила и захотелось во всём признаться?

Долгое обсуждение моей личности привело к выяснению того факта, что миссис Биг, вполне возможно, признает грабителя, если увидит. Она видела профиль и спину, но этого, к счастью, было вполне достаточно. Поскольку Комендант отошёл, начались препирательства. Ефрейторы в один голос уверяли, что в такой дождь старушенция никуда не пойдёт. Офицер голосил, что просто они, ефрейторы, в такой дождь никуда не выйдут. Я предложил свою помощь, поскольку уже не особо боюсь промокнуть, но мне, почему-то, отказали. В итоге за мадам был послан ефрейтор (тот, что меньше и хилее, разумеется).

Я располагался на своём стуле, куда меня любезно усадил Комендант, словно оставленное пальто – на меня не много обращали внимания. Полицейские заходили и уходили, даже не удостаивая меня взглядом. За время поездок, Бекки, я убедился, что в любом случайном взгляде могу уловить «Ну, как дела, Блюм?», или «Держись, дружище, всё будет в порядке». Но пищи для таких заключений не было. Пища. Да, чувствовался явный её недостаток.

Когда, в очередной раз, я остался в комнате один, я решил прорепетировать речь для старушки Биг. То, что речь была необходима, я понял с самого начала. Моё лицо – о, да! – внушает людям полное доверие при одном взгляде на него, но всё же подкрепить дело словами не помешало бы. Я встал, поразмял свои косолапые оксфорды, подошёл к зеркалу, обрадовался его бодрому виду и начал:

- Окей, мадам...

Тут же сообразил, что что-то не так. И почему руки за спиной? Я же не заключенный? Я отстранил полы пиджака и сунул руки в карманы брюк – стало лучше.

- Любезная мадам...

И я снова осёкся. Дело было не в руках. Откуда мне было знать насколько, миссис любезна? Может, она та ещё карга, попуще твоей совести? Хотя и руки я переместил в карманы пиджака.

- Миссис Биг...

Кто-то позади меня кашлянул. Я поспешил обернуться, поскольку засомневался, что это скрипнули стенные часы. И правда, это были не часы, это был Комендант. Он усмехался в русые усы и поигрывал пуговицей на рубашке.

- Вы не будете говорить с миссис Биг. – деликатно сообщил он. – Она просто посмотрит на вас и скажет, узнаёт или нет. В любом случае, я думаю, это место вы не скоро покинете.

- Думаю, да, Комендант. Если, конечно, вы не станете жестокосерднее и не выкинете меня отсюда под дождь.

- Вы американец?

- Нет.

- У вас заметный акцент.

- О, это большой комплимент моему правому клыкку. Это он никак не может дать мне выговорить чёртову «р».

- Так что вы всё-таки делали под окнами мадам? И какое право имели картёжничать с теми, кто при исполнении?

- Ну, я был преисполнен... Погодите, это допрос?

- Отвечайте.

- Если б у вас была возможность спасти Бруно, вы бы спасли Бруно?

- Не опешлите своими примерами. Но... Да. Несомненно.

- Но у вас нет такой возможности, верно? Жаль, одной жизнью меньше... А у меня вот была возможность поглазеть на чудесные светлеющие окна миссис Биг.

Тут-то я рассказал Коменданту, про то, что уже рассказывал тебе — про возможности.

Точнее, это он услышал всё первым, а ты прочла – но уже после него. Мы с Комендантом

выпили по чашке прекрасного американского кофе, что было очень кстати. Ты и сама

понимаешь, Бекки, насколько кстати вообще приходится всё тёплое в унылую

дождливую погоду. Спроси хоть нашего датчанина – господина Годо – ведь по нему мы

узнаём, когда будет дождь, а когда просто пасмурно? Если будет лить, он обязательно

поставит себе кипятится целое ведро какао – чтоб не было грустно в дождь. Я не понимаю

этих датчан с их кукольным уютом. Ты тоже, Бекки? Какая волшебная возможность, какое

красивое число – словить удобство на лету, не выстраивая его по кирпичику, как один

большой муравейник! Казалось бы, с минуты на минуту должна явиться старая Биг,

которая, возможно, придаст мне самое наипортретнейшее сходство с нужным

оригиналом, и дело будет – увы – табак. А я сижу на стуле, в сухой комнате и распиваю

кофе с самым интересным человеком не только в Ганнибале, но и во всём Миссури. Табак.

Да. Я снова заимел возможность набить трубку табаком.

Мы немножко поиграли в филологов. Взрослые, Бекки, любят играть во взрослых. Мне

подправили моё ужасное заокеанское произношение, а я попросил оценить всю

душевность немцев, у которых слова «любить» и «жить» различаются лишь одной буквой.

Выяснилось также, что пока извиняешься по-немецки можно пять раз успеть извиниться

по-английски. Ещё я рассказывал Коменданту о тёте Перкинс. А о ком или о чём ещё ты

бы рассказывала на моём месте?

- Это была замечательная женщина, Комендант, отпетая поэтесса. Она успела стать автором более восьмидесяти романсов-прощаний с жизнью, первый из которых написала в возрасте пятнадцати лет, а последний – в девяносто.

- Не дурно. И что же, все песни были настолько удачны? – Комендант явно не верил ошеломительному успеху нашей тёти Перкинс.

- Нет, вовсе нет. И я считаю, что романсы, написанные лет эдак в семнадцать гораздо правдоподобнее последующих.

- И она весьма напоминает нашу Биг. Та тоже смакует свою кончину, как сладкий персик.

Видимо, тётя имела богатую жизнь... Уж побогаче, чем у меня. Вот вы думаете, это мой

единственный случай что-то сделать в жизни – хватать гражданских, вроде вас, искать в них корень зла? Хотя... Думаю, так и есть.

- Комендант, вы меня удивляете! Вы живёте на краешке огромного континента, который не кончается от севера и до юга; и вы не можете словить автобус и уехать к Огненной Земле?

Комендант поджал губы и оценивающе покачал головой. Я продолжил.

- Я-то думал, что уже сейчас буду в Иллинойсе. Однако по пути ограбил миссис Биг и

